

УДК 811.161.1'36

Ж.Н. Гончарова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВАТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ В ЛИРИКЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА СОРОКОВЫХ-ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XX ВЕКА

Ж.М. ГОНЧАРОВА. ФУНКЦІЮВАННЯ СУБСТАНТИВАТІВ РІЗНИХ ТИПІВ В ЛІРИЦІ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА СОРОКОВИХ-ШЕСТИДЕСЯТИХ РОКІВ ХХ СТОЛІТТЯ.

В статті описано транспозити, які на різних засадах поєднують властивості двох або трьох частин мови – субстантивати, а також розглянуто їх різні типи. Метою даної роботи є опис особливостей функціонування субстантиватів різних типів у віршах Бориса Чичибабіна. У нашому дослідженні ми дотримуємося класифікації субстантиватів О.О. Скоробогатової, яка, спираючись на теорію позиційної морфології М.В. Панова, серед субстантиватів виділяє транспозити з постійним, стійким і змінним предметним значенням. Аналіз субстантиватів у віршах Б. Чичибабіна показує, що автор використовує транспозити всіх трьох типів. Відзначимо, що серед всіх трьох груп транспозитів використані слова із значенням осіб у формі множини і однини. Активно використовуються субстантивати, що знаходяться в антонімічних відносинах, як серед транспозитів із стійким предметним значенням (теперішнє-минуле), так і серед контекстуальних, із змінною предметною семантикою (новое-старое, бедные-богатые, далекие-близкие). Більш того, лексичне зіставлення спостерігається не лише у транспозитів по відношенню один до одного, але і в транспозитів по відношенню до іменників: чужой-друг, зло-доброе. В одних випадках іменник і субстантиват, що знаходяться в сопозиції, контекстуально реалізують синонімічні відносини (новое-истина, старе-неправда), а в інших – антонімічні. Перспективним, на наш погляд, є зіставлення особливостей функціонування субстантиватів у Бориса Чичибабіна з використанням субстантиватів іншими поетами цього періоду.

Ключові слова: субстантиват, транспозит, синонімія, антонімія, сопозиція, лексичне зіставлення, предметне значення.

Ж.Н. ГОНЧАРОВА. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВАТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ В ЛИРИКЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА СОРОКОВЫХ-ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XX ВЕКА.

В статье описаны частеречные транспозиты, совмещающие на разных основаниях свойства двух или трех частей речи, – субстантиваты, а также рассмотрены их разные типологии. Целью данной работы является описание особенностей функционирования субстантиватов разных типов в стихотворениях Бориса Чичибабина. В нашем исследовании мы придерживаемся классификации субстантиватов Е.А. Скоробогатовой, которая, опираясь на теорию позиционной морфологии М.В. Панова, среди субстантиватов выделяет транспозиты с постоянным, устойчивым и переменным предметным значением. Анализ субстантиватов в стихотворениях Б. Чичибабина показывает, что автор использует транспозиты всех трех типов. Отметим, что наиболее активно использованы слова со значением лиц в форме множественного числа и единственного числа. Активно используются субстантиваты, находящиеся в антонимических отношениях, как среди транспозитов с устойчивым предметным значением (текущее-былое), так и среди контекстуальных, с переменной предметной семантикой (новое-старое, бедные-богатые, дальнее-близкое). Более того, лексическое противопоставление наблюдается не только у транспозитов по отношению друг к другу, но и у транспозитов по отношению к существительным: чужой-друг, зло-доброе. В одних случаях сопологаемые существительное и субстантиват контекстуально реализуют отношения синонимии (новое-истина, старое-неправда), а в других – антонимии. Перспективным, на наш взгляд, является исследование сопоставления особенностей функционирования субстантиватов у Бориса Чичибабина с использованием субстантиватов другими поэтами этого периода.

Ключевые слова: субстантиват, частеречный транспозит, синонимия, антонимия, соположение, лексическое противопоставление, предметное значение.

© Ж.Н. Гончарова, 2020

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2020.02.72.02>

ZH.N. HONCHAROVA. THE FUNCTIONING OF VARIOUS TYPES OF SUBSTANTIVATES IN B.CHICHIBABIN LYRICS WRITTEN IN THE FORTIES-THE SIXTIES OF THE TWENTIETH CENTURY.

The transposites, which combine the properties of two or three parts of speech – substantivates, are described and their different types are considered. The purpose of this work is to describe the peculiarities of various types of substantivates functioning in B. Chichibabin's lyrics. In this research we keep to the substantivates classification by O. Skorobogatova who followed the position morphology theory by M. Panov and classified the substantivates into three groups: 1) substantivates with constant object meaning; 2) substantivates with established object meaning; 3) transposites with changeable object meaning. The analysis of the substantivates in Chichibabin's lyrics reveals that the author uses the transposites of all three types. It should be noted that the words with the meaning of a person in plural and singular forms are used among all types of transposites. Substantivates-antonyms are regular among those with established object meaning and those with changeable object meaning. More than that the lexical opposition is observed not only among transposites referring to each other, but among those referring to nouns. In one case the substantivate and the noun that are in co-position realize as synonyms in particular context and in the other – as antonyms. The perspective is to compare the distinctive features of substantivates functioning in Chichibabin's lyrics with the transposites used by other poets of the same period.

Key words: substantivate, transposite, synonymy, antonymy, co-position, lexical opposition, object meaning.

Грамматическая семантика ряда морфологических единиц является мощным структурообразующим фактором: служит основой возможного смыслового «развертывания» поэтического текста.

К единицам с высоким экспрессивно-семантическим потенциалом относятся частеречные транспозиты – слова, совмещающие на разных основаниях свойства двух или трех частей речи, – в первую очередь, субстантиваты [6, с. 289].

Субстантиваты как единицы языка и речи описаны в лингвистической литературе весьма подробно, например, в работах Мигирина (1971), Лукина (1973), Панова (1999), Сидоренко (2002), Богданова, Смирнова (2004), Скоробогатовой (2007; 2012).

Целью данной работы является описание особенностей функционирования субстантиватов разных типов в стихотворениях Бориса Чичибабина.

Материалом для анализа послужили фрагменты стихотворений, полученных методом сплошной выборки из стихотворений, написанных в период 1946-1987 гг. (сборник «Собрание стихотворений» [9]).

Существуют разные типологии субстантиватов. Например, С.И. Богданов и Ю.В. Смирнов выделяют: 1) полные субстантиваты (*горничная, приданое, насекомое, портной*); 2) неполные, которые, в свою очередь, делят на регулярные (узусальные) (*рулевой, военный, учительская, мороженое*) и нерегулярные (*скупой, сильный, богатый*) [1, с. 30].

Другие исследователи, в частности Е.А. Скоробогатова, следуя теории позиционной морфологии М.В. Панова, выделяют в группе субстантиватов в первую очередь слова, предметное значение которых закреплено в языке. С одной стороны, это полные субстантиваты, т.е. слова, не имеющие либо утратившие исходное адъективное значение, с другой, – слова с устойчивым субстантивным значением, предметная отнесенность которых вне контекста воспринимается как известная, «но которые имеют соотносительную признаковую пару, а значит, в конкретном контексте при отсутствии означаемого могут иметь иную контекстуальную предметную отнесенность»: *военный* – '*военный человек*', '*военный билет*'; *учительская* – '*учительская комната*', '*учительская зарплата*' [5]. И третью группу субстантиватов представляют контекстуальные транспозиты, предметное значение которых реализуется только контекстуально.

В рамках нашего исследования мы придерживаемся классификации Е.А. Скоробогатовой, так как она отвечает современным представлениям о процессе субстантивации в русском языке и создавалась на материале поэтического текста.

При анализе стихотворений Б. Чичибабина мы выявили следующие типы слов-транспозитов с субстантивным значением:

полные субстантиваты – слова, которые, утратив признаковую семантику, полностью превратились в «существительные с окончаниями прилагательных» [4, с. 153];

субстантиваты с устойчивым субстантивным значением – слова, предметная отнесенность которых воспринимается как известная носителями языка, но которые могут иметь окказиональную субстантивную семантику в условиях конкретного контекста;

контекстуальные субстантиваты с переменным предметным значением – единицы, не имеющие устойчивого субстантивного значения; субстантивное значение этих единиц может быть установлено только в конкретном поэтическом фрагменте.

Среди слов с постоянным субстантивным значением, утративших адъективную семантику, выделяют лексико-семантический разряд существительных мужского рода, называющих лиц по профессии, роду деятельности, по месту, с которым они как-то связаны (*портной, зодчий, лесничий*); лексико-семантический разряд существительных женского рода со значением места (*пирожковая, преисподняя*); разряд существительных среднего рода, называющие биологические роды и виды (*животные, насекомые*).

Таких слов-транспозитов с константным (постоянным) предметным значением в языке сравнительно немного. В стихотворениях Б. Чичибабина мы выделили 6 субстантиватов с постоянной субстантивной семантикой, которые встречаются в анализируемом тексте (400 страниц) один или два раза. Их можно отнести к разряду стилистически нейтральных слов, которые могут быть выделены или не выделяться за счет локализации в стихе. Их грамматическая семантика может быть или не быть подчеркнутой.

Обратимся к анализу субстантиватов с устойчивым субстантивным значением, которые одни исследователи называют функциональными омонимами [1, с. 22], а другие – многозначными словами, имеющими в одних случаях устойчивую (закрепленную в языке) предметную семантику (*близкие – ‘родные люди, родственники’*), а в других – переменную субстантивную семантику, которая реализуется только контекстуально (*близкие – ‘близкие контакты’*) [5]. А. Пешковский называл такие слова «словами-хамелеонами», способными функционировать и как прилагательные, и как имена существительные. Случаи этого типа могут быть отнесены к неполной субстантивации.

Среди транспозитов этого типа в стихотворениях Б. Чичибабина мы выделили лексико-семантические группы существительных, называющих лиц: по отношению между людьми (*близкие*), по роду деятельности (*ученые*), а также ряд абстрактных субстантиватов, называющих обобщенную субстанцию (*текущее, бывшее, далекое, грядущее, близкое, вечное, дальнее*). Отметим, что в группе транспозитов с устойчивым субстантивным значением в лирике Б. Чичибабина доминантными являются субстантиваты, называющие лиц, в форме множественного числа. Рассмотрим и проанализируем некоторые фрагменты стихотворений:

*Мы были близкие у близких.
и в нас ни горечи, ни лжи,
и светом сумерек латвийских
просвечивали витражи.*

(Б. Чичибабин «Бах в Домском соборе»).

Словоформа *у близких* выполняет функцию существительного в форме множественного числа, называющего лиц по определенным отношениям (связям). *Близкие – ‘родственники, друзья’* [3, с. 178]. Грамматическая неопределенность слова *близкие* (первого в стихе) позволяет рассматривать его как существительное и как прилагательное в составе сложного именного сказуемого: *мы были близкие*. Здесь мы можем говорить о нейтрализации грамматического значения, за счет которой «создается широкий смысловой диапазон грамматической формы в контексте, ее неоднозначность» [2, с. 195].

В следующем отрывке встречаем субстантиват *близкие*:

*Безумные искусства сексэнтээрных лет
Щекоцут ваши чувства, а мне в них проку нет.
Я ближним посторонний, от дальнего сокрыт,
И мир потусторонний со мною говорит.*

(Б. Чичибабин «Куда мы? Кем ведомы?...»).

Актуализация предметной семантики слова-транспозита *близкие* происходит благодаря закону единства и тесноты стихового ряда. В одной строке локализованы субстантиваты *близкие, посторонний, дальнее*. В первую очередь, значение транспозита *близкие – ‘(церк. книжн.) все люди друг для друга (с точки зрения нравственных*

представлений)’ противопоставляется значению субстантивата *посторонний* – ‘*тот, кто не состоит в близких отношениях с кем-либо, чужой, не принадлежащий к данному обществу, коллективу, семье*’ [8, Т. 3, с. 641]. Кроме того, происходит противопоставление форм множественного и единственного числа данных субстантиватов *ближним* – *посторонний*. Форма единственного числа (*посторонний*) связана с представлением мотива поэтического одиночества, с которым говорит потусторонний мир. Противопоставление местоимения *ваши* в плюральной форме местоимению *мне* в форме единственного числа также отдаляет автора от общества, от всех «ближних», тем самым подчеркивая тему поэтического одиночества [6, с. 377–378].

Наряду с транспозитами, называющими лиц, в группе субстантиватов с устойчивым предметным значением в стихотворениях Б. Чичибабина используются абстрактные субстантиваты среднего рода единственного числа. Обратимся к некоторым фрагментам текста:

Будь проклят, император Петр,

стеливший душу, как солому!

За боль текущего былому

пора устроить пересмотр.

(Б. Чичибабин «Проклятие Петру»).

Абстрактные слова способны обозначать все предметы, имеющие указанный признак, не называя иных характеристик. Так, значение слова *текущее* – ‘*все то, что имеет место, происходит в настоящее время*’ [3, с. 445]. Данный субстантиват является отпричастным, сохранившим форму действительного залога настоящего времени, темпоральное значение которого противопоставлено семантике отглагольного транспозита *былое* – ‘*время, события, предшествовавшие настоящему; прошлое*’ [3, с. 190]. Это противопоставление по временному признаку реализуется благодаря действию закона единства и тесноты стихового ряда. Столкновение времен ‘*прошлое* – *настоящее*’ происходит с помощью соположения абстрактных субстантиватов. Подчеркивается важность событий прошлых лет, которые значимы и в настоящее время.

Группа субстантиватов с устойчивым предметным значением является наиболее многочисленной и продуктивной. Среди транспозитов этого типа в стихотворениях Б. Чичибабина довольно часто встречаем субстантиваты, называющие лиц, в форме множественного числа, а также абстрактные слова со значением времени.

Проанализируем третий тип транспозитов – группу контекстуальных субстантиватов, предметное значение которых реализуется только контекстуально: *худые, хворые, новое, старое, уходящий*. При анализе слов-транспозитов этого типа обращаем внимание на использование субстантиватов-антонимов, которые локализованы в пределах одной строфы, иногда линейно в одной строке. Среди таких субстантиватов, находящихся в отношениях антонимии, мы выделили группу абстрактных слов, называющих отвлеченное, обобщенное понятие; группу имен существительных в форме множественного числа и в форме мужского рода единственного числа, называющих лиц (по определенному признаку, по производимому действию).

Обратимся к некоторым отрывкам текста:

А в нас самих, труслив и хищен,

не дух ли сталинский таится,

когда мы истины не ищем,

а только нового боимся?

Я на неправду чертом ринусь,

не уступлю в бою со старым,

но как тут быть, когда внутри нас

не умер Сталин?

(Б. Чичибабин «Клянусь на знамени веселом...»).

В данном фрагменте противопоставлены абстрактные транспозиты в форме среднего рода единственного числа *новое-старое*, значения которых устанавливаем из контекста: ‘*новая и старая власть, политический режим*’. Контекстуальный контраст создает использование существительных-антонимов *истина-неправда*, что подкрепляет антонимические отношения субстантиватов. Существительное *истина* соположено субстантивату *новое*, они локализованы симметрично в вертикальном ряду, а слова *неправда* и *старое* занимают сильные позиции стиха. Контекст данного фрагмента стихотворения позволяет рассматривать субстантиват

новое и существительное *истина* как контекстуальную синонимическую пару. В таких же отношениях находятся транспозит *старое* и существительное *неправда*. Использование подобных граммем как синонимов, на наш взгляд, связано с решением определенной поэтической задачи – развенчанием культа Сталина. Очевидно, что автор, используя субстантиват *старое*, описывает человеконенавистнический сталинский режим и соотносит его с существительным *неправда*, а использование транспозита *новое* указывает на новую ситуацию, оттепель, перемены, которых так боялись многие современники поэта, связанные с аппаратом насилия, и которое автор соотносит с *истиной*.

Продemonстрируем еще один подобный фрагмент:

*Там жизнь мировая согласна с мирской,
и дальше плачет о близком,
и радости праздник пронизан тоской
и жертвенной кровью обрызган.*

(Б. Чичибабин «Псалом Армении»).

В этом отрывке наблюдаем соположение двух типов: 1) паронимы *мировая-мирская (жизнь)*, которые реализуют сопоставление значений ‘относящийся к земле, заселенной планете’ – ‘простая, повседневная’; 2) субстантиваты-антонимы *дальнее – близкое*. Слово *дальнее* называет ‘все, что было в прошлом, все далекое’; *близкое* – ‘все, что рядом, происходит в настоящем’, т.е., реализуется как временной контраст, так и пространственный. Противоположность семантики субстантиватов подкрепляется парой антонимов *радость – тоска*, которые локализованы симметрично в вертикальном ряду с транспозитами *дальнее* и *близкое* в сильных позициях стиха – начало и конец соответственно.

Антонимические отношения, в которые вступают друг с другом субстантиваты, подчеркивают как лексическую, так и грамматическую семантику.

Далее рассмотрим фрагменты текста, где субстантиваты, находящиеся в отношениях антонимии, называют лиц по определенному признаку, либо производимому действию:

*Но мне важней втройне
в разгаре битв заветных,
на чьей ты стороне –
богатых или бедных.
Пусть муза и умрет,
Блаженствуя и мучась,
Но только б за народ,
А не за власть имущих.*

(Б. Чичибабин «Когда с тобою пьют...»).

В данном отрывке встречаем субстантиваты, называющие лиц по определенному признаку (признак принадлежности к характерной категории) в форме множественного числа: *богатые – бедные – власть имущие*. В первом четверостишии выделение транспозитов *богатые и бедные*, находящихся в антонимических отношениях, происходит за счет локализации в сильной позиции – в отдельной строке и позиции рифмы: слово *бедных* рифмуется с прилагательным *заветных*. Во второй строфе представлен достаточно редкий случай поэтического функционирования: как субстантиват используется фразеологическое словосочетание *власть имущие*. Словарное значение данного устойчивого словосочетания ‘правители, люди, облеченные властью’ [8, Т. 1, с. 1198] указывает на то, что субстантивация сочетания произошла в языке. Предметная семантика словосочетания актуализируется за счет соположения с существительным *народ*. В данном контексте, на наш взгляд, они являются контекстуальными антонимами. *Власть имущие* – ‘люди, облеченные властью’, *народ* – ‘простые люди’.

Рассмотрим еще один пример:

*Люблю мой крест, мою полунужду
и то, что мне не выбиться из круга,
что пью с чужим, а гневаюсь на друга,
со злом мирюсь, а доброго не жду.*

(Б. Чичибабин «Сбылась беда пророческих угроз...»).

В этом отрывке текста наблюдаем смысловый параллелизм, выраженный противопоставлением субстантивата и существительного, которые находятся в отношениях контекстуальной антонимии: *чужой-друг, зло-добро*, что подчеркивает субстантивную

природу транспозитов. В первом случае соположение транспозита *чужой* в форме мужского рода единственного числа с существительным *друг* актуализирует предметное значение лица, во втором – выделяется обобщенная субстантивная семантика абстрактного субстантивата *доброе* за счет соположения с абстрактным существительным *зло* в форме среднего рода единственного числа.

Контекстуальные субстантиваты (с переменным предметным значением), в отличие от языковых (субстантиватов с постоянным субстантивным значением), как правило, не являются стилистически и оценочно нейтральными. «Они служат показателями синсемантии и средством связности текста, указывают на синкретичность грамматической семантики и подчеркивают лексическую» [7, с. 114].

В следующем фрагменте стихотворения использованы отпричастные субстантиваты, находящиеся в антонимических отношениях *уходящий-остающийся*.

Дай вам Бог с корней до крон

Без беды в отрыв собраться.

Уходящему – поклон.

Остающемуся – братство.

Вспоминайте наш снежок

посреди чужого жара.

Уходящему – рожок.

Остающемуся – кара.

(Б. Чичибабин «Дай вам Бог с корней до крон...»).

Особенностью таких грамем (причастий, перешедших в класс существительных) является их двойственность и сохранившиеся глагольные значения (временные, залоговые), что обуславливает как семантические, так и функционально-синтаксические особенности этих транспозитов [1, с. 43]. Контекстуальные субстантиваты *уходящий-остающийся* называют лиц по производимому действию в форме настоящего времени действительного залога. Они выделяются за счет локализации в сильной позиции стиха – начале строки, причем повтор наблюдаем в третьем и четвертом стихе каждой строфы (стихотворение состоит из 8 строф). Лексическое противопоставление и объединение выполняют текстообразующую функцию. Используя транспозиты *уходящий-остающийся*, автор описывает массовую эмиграцию друзей в 1970-х годах и чувства тех, кто остается.

Итак, анализ субстантиватов в стихотворениях Б. Чичибабина показывает, что автор использует транспозиты разных типов: 1) субстантиваты с константным предметным значением (*леший, лесничий, зодчий, преисподняя, насекомые*); 2) субстантиваты с устойчивым субстантивным значением (*ближние, близкие, посторонний, дальше, вечное, временное*); 3) слова с переменной предметной семантикой, контекстуальные транспозиты (*богатые, бедные, власть имущие, новое, старое, доброе, чужой, остающийся, уходящий*). Отметим, что среди всех трех групп транспозитов использованы слова в форме множественного числа и единственного числа со значением лица.

Автор активно использует субстантиваты, находящиеся в антонимических отношениях, как среди транспозитов с устойчивым предметным значением: *текущее-былое*, так и среди контекстуальных, с переменной предметной семантикой: *новое-старое, бедные-богатые, дальше-близкое*. Лексическое противопоставление наблюдается не только у транспозитов по отношению друг к другу, но и у транспозитов по отношению к существительным: *чужой-друг, зло-доброе*.

В одних случаях соположаемые существительное и субстантиват контекстуально реализуют отношения синонимии: *новое-истина, старое-неправда*, а в других – антонимии.

Среди субстантиватов с устойчивым и переменным предметным значением выделяем слова абстрактные в форме среднего рода единственного числа, называющие отвлеченные, обобщенные понятия; слова-транспозиты в форме мужского рода единственного числа, называющие лиц по признаку и производимому действию. Достаточно регулярно встречаются субстантиваты в форме множественного числа, называющие лиц по определенному признаку. Довольно часто предметная семантика субстантиватов подчеркивается соположением с именами существительными в сильных позициях стихотворения.

Лексическое противопоставление контекстуальных субстантиватов в анализируемом тексте выполняет текстообразующую функцию, служит средством его связности и указывает на синкретичность грамматической семантики.

Перспективным, на наш взгляд, является сопоставление особенностей функционирования субстантиватов у Бориса Чичибабина с использованием субстантиватов другими поэтами этого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов С.И., Смирнов Ю.В. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2004. 58 с.
2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 202 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой, 16 изд. Испр. М.: Рус. яз., 1984. 797с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
5. Скоробогатова Е.А. Функционирование в поэтическом тексте субстантиватов с постоянным, устойчивым и переменным предметным значением. *Культура народов Причерноморья*. 2007. № 110. Т. 2. С. 181–184. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/55032> (дата обращения: 10.04.2020).
6. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): монография. Харьков: НТМТ, 2012. 480 с.
7. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилиях: монография. Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 2014. 240 с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4 т. М.: Рус. Яз., 1935–1940. Т. 1, Т. 3.
9. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений / Сост. Л.С. Карась-Чичибабина. Вступ. ст. С.Н. Буниной. Харьков: Фолио, 2009. 890 с.

REFERENCES

1. Bogdanov S.I., Smirnov Yu. V. Perehodnost v sisteme chastej rechi. Substantivaciya: ucheb. Posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet, 2004. 58 s.
2. Kovtunova I.I. Poeticheskij sintaksis. M.: Nauka, 1986. 202 s.
3. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazyka / pod red. N.Yu. Shvedovoj, 16 izd. ispr. M.: Rus. yaz., 1984. 797 s.
4. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osvshenii. 7-e izd. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo ministerstva prosvsheniya RSFSR, 1956. 512 s.
5. Skorobogatova E.A. Funkcionirovanie v poeticheskom tekste substantivativov s post-oyannym, ustojchivym i peremennym predmetnym znacheniem. Kultura narodov Prichernomorja. 2007. № 110. T. 2. S. 181–184. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/55032> (data obrasheniya: 10.04.2020).
6. Skorobogatova E.A. Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poeticheskij potencial russkoj grammatiki (morfologicheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie razryady imeni): monografiya. Harkov: NTMT, 2012. 480 s.
7. Skorobogatova E.A. Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poetika imennyh kategorij v tekstah i idioshtilyah: monografiya. Harkov: Harkovskoe istoriko-filologicheskoe obshestvo, 2014. 240 s.
8. Ushakov D.N. Tolkovjy slovar russkogo yazyka. M.: Rus. yaz., 1935–1940. T. 1, T. 3.
9. Chichibabin B.A. Sobranie stihotvorenij / Sost. L.S. Karas-Chichibabina. Vstup. st. S.N. Buninoj. Kharkov: Folio, 2009. 890 s.

Гончарова Жанна Николаевна – аспирант кафедры зарубежной литературы и славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0003-3665-5335., E-mail: zhannagoncharova803@gmail.com
(Статья поступила в редакцию 20 ноября 2020 г.)